

Его слёзы лишь блестели в глазах, не проливаясь, а в самом взгляде вдруг мелькнула обида. Почувствовав неладное, я не успела даже отступить, как он бросился на меня, молотя кулаками, словно обезумевший, и сквозь рыдания выкрикивал:

— Ах ты, Куан Сихань! Как ты могла так поступить, соблазнив и бросив! Я... я убью тебя, бесовскую!

Удары пришлись по плечам и рукам. От боли дыхание перехватило, в глазах потемнело, и я едва не лишилась чувств.

— Ваше Высочество? — его крики внезапно оборвались, но резкий визг всё ещё отдавался болью в ушах. Ноги подкосились, и я больше не могла держаться на ногах.

— Ван, с вами всё в порядке? — В тот миг, когда я начала оседать, чьи-то сильные руки крепко подхватили меня за пояс. Я прищурилась: Цзян Чжо смотрела на меня с суровым, нахмуренным лицом.

Я хотела ответить, но мужчина яростно оттолкнул её, притянул меня к себе и заверещал:

— Чего ты тут застыла? Живо зови лекаря! Не видишь, вану нечем дышать?

— Гуйцзюнь Сюй, знайте меру, — холодно бросила Цзян Чжо. — Вану стало плохо исключительно по вашей вине.

Мужчина хотел было что-то возразить, но под её строгим взглядом мгновенно притих. Цзян Чжо отвела взгляд и, наклонившись ко мне, прошептала:

— Ваше Высочество, держитесь, я сейчас вернусь.

Я слабо кивнула. Грудь словно сдавило тяжёлым камнем, боль была невыносимой, и даже говорить стало трудно.

Когда она развернулась, мужчина внезапно окликнул её и, встревоженно добавив:

— Слышишь, иди к лекарю Ляну из Управления императорских врачей, смотри, не подними шума!

Ответом ему была лишь спина Цзян Чжо, быстро скрывшаяся за искусственной горкой.

— Ты! — Он скрежетал зубами, глядя ей вслед, но ничего не мог поделать.

— Кхе-кхе... — Горло запершило, я закашлялась, и стало чуточку легче, словно вместе с воздухом вышло всё то гнетущее напряжение. Появились силы говорить:

— Ты... помоги мне встать.

Трава была мягкой, но от земли тянуло холодом, а слабое тело Куан Сихань не выносило долгого контакта с сыростью. Однако сил подняться самой не было, и мне пришлось просить помощи у того, кто во всём этом был виноват.

— Мой дворец Хуацюань неподалёку. Ваше Высочество, может, пройдёте ко мне, выпьете горячего чаю, придёте в себя? — с трудом поддерживая меня, предложил он.

— Цзян Чжо вернётся и не найдёт меня, она будет волноваться. — Приходилось признать, что

его предложение было заманчивым. В моём нынешнем состоянии возвращаться на пир не стоило, а отдохнуть где-то было лучше, чем мёрзнуть в саду.

Впрочем, дело было не только в Цзян Чжо. Я просто боялась этого переменчивого человека и не хотела иметь с ним ничего общего.

— Это поправимо, я оставлю слугу здесь ждать её. — Он обернулся и позвал кого-то. Вскоре подбежали двое слуг с причёсками в виде пучков. Тот, что был повыше и крепче, подхватил меня на руки, а второй остался ждать на месте.

— Ой! — Я испуганно обхватила слугу за шею, но тут же, заметив удивлённые взгляды, неловко убрала руки. Если я начну объяснять им, что это был рефлекс, они наверняка сочтут меня сумасшедшей.

— Кхе-кхе, со мной всё в порядке. Раз уж мы идём во дворец Хуацюань, чего стоим? — чтобы сгладить неловкость, сухо бросила я.

— Да, да... — Они словно очнулись от изумления и поспешили исполнить приказ. Слуга нёс меня быстрым шагом, и хотя выглядел он хрупким, сил ему было не занимать. Я невольно снова посетовала на слабость тела Куан Сихань: даже юный слуга оказался сильнее меня.

— Цзиньхуань, аккуратнее! Если хоть немного тряхнёшь Высочество, я с тебя шкуру спущу! — он семенил рядом, беспрестанно подгоняя слугу и одновременно угрожая ему, чтобы тот шёл плавнее. Слушая его бормотание, я невольно усмехнулась, и неловкость от того, что меня нёс незнакомый мужчина, понемногу улетучилась.

Дворец Хуацюань действительно оказался совсем рядом. Не прошло и пяти минут, как мы увидели величественное, богато украшенное здание. Раз уж он находится так близко, его оправдание — мол, он, мужчина, не приглашённый на пир, просто гулял в саду и случайно встретил меня — звучало не так уж неправдоподобно.

Станным было лишь его поведение при встрече: казалось, он заранее знал, где я буду. Да и его отношения с прежней Куан Сихань вызвали вопросы.

У входа стояли двое слуг с фонарями, они то и дело оглядывались, словно кого-то ждали. Увидев нас, они бросились навстречу: один ловко распахнул двери, другой помчался внутрь — должно быть, готовить всё к моему приходу.

Почему мне кажется, что они делают это не в первый раз?

Слуга внёс меня в боковую комнату главного дворца и бережно опустил на кровать с тёмно-пурпурными занавесками, расшитыми пионами. Я догадалась, что это опочивальня гуйцзюня Сюя.

В гареме лишь единицы носили титул гуйцзюня. А я, взрослый ван, не должна была находиться во дворце Хуацюань, а уж тем более лежать на чужой кровати. Если нас обнаружат, я не отмоюсь, даже если прыгну в Хуанхэ.

Потирая грудь, я приняла чашку горячего чая из рук гуйцзюня Сюя и начала медленно пить. Тёплая влага разлилась по телу, словно вытесняя гнетущую тяжесть.

Допив чай, я глубоко вздохнула.

— Докладываю гуйцзюню, пришёл лекарь, — раздался голос слуги за дверью, но в нём слышалось что-то недосказанное.

Дверь отворилась, вошла пожилая женщина с аптечкой. Мой взгляд скользнул мимо неё на Цзян Чжо, и слова, готовые сорваться с языка, застряли в горле. Позади Цзян Чжо стоял ещё кто-то.

На человеке был тёмный парчовый халат, расшитый золотыми фениксами, длинный подол волочился по земле. От него веяло холодом, а на утончённом, красивом лице застыло равнодушие. Это была Куан Сицин, которая в этот час должна была находиться на пиру.

Сердце ушло в пятки. Грудь, которая только начала дышать свободно, снова сдавило.

— Ваше Величество? — Гуйцзюнь Сюй, стоявший рядом, вздрогнул от испуга, выронил чашку, и звон разбитого фарфора заставил меня содрогнуться.

Он рухнул на колени, ударившись лбом о холодный пол с глухим стуком. Я видела сбоку, как на его лбу мгновенно вздулся синяк. Должно быть, было очень больно, но он, казалось, не замечал этого и ударился лбом ещё дважды, а затем дрожащим голосом произнёс:

— Приветствую Ваше Величество...

Куан Сицин не ответила и не приказала встать, словно вовсе не замечала гуйцзюня Сюя. С самого порога она не сводила глаз с меня, её губы были плотно сжаты, словно она что-то сдерживала.

Я виновато отвела взгляд. Тишина затянулась, и в конце концов я не выдержала:

— Сестра, всё не так, как ты подумала...

Хотя я и сама не знала, что именно должна объяснять.

— Лекарь, проверь пульс Лин-вана, — она подняла руку, прерывая меня, и обратилась к женщине, стоявшей с аптечкой.

— Слушаюсь, Ваше Величество. — Лекарь подошла, достала маленькую подушечку, подложила под моё запястье и, приложив пальцы к пульсу, нахмурилась, погрузившись в раздумья.

Куан Сицин смотрела на лицо лекаря, не глядя на меня, и мне пришлось промолчать.

Гуйцзюнь Сюй тихо стоял на коленях, не смея дышать. Цзян Чжо опустила глаза, я почти не чувствовала её присутствия. Куан Сицин стояла, заложив руки за спину, и никто не мог догадаться, о чём она думает. Все ждали вердикта.

Наконец лекарь убрала руку и поклонилась Куан Сицин:

— Докладываю Вашему Величеству, пульс Лин-вана слабый и неровный, ци и кровь разбалансированы. Это вызвано испугом, а в сочетании с врождённой слабостью организма привело к обострению старой болезни, вызвавшей стеснение в груди и затруднённое дыхание.

— Насколько это серьёзно? — немедленно спросила Куан Сицин.

— Ничего страшного, Ваше Величество. Сейчас я выпишу отвар для успокоения сердца, а

Вашему Высочеству нужно будет просто отдохнуть и поправить здоровье, — неторопливо ответила лекарь.

— Хорошо, иди выписывай рецепт. — Она кивнула и махнула рукой, отпуская лекаря. А когда я подняла на неё взгляд, она вдруг громко произнесла: — Эй, кто там есть!

За дверью послышался топот, вошли двое стражников с мечами на поясах и опустились на колени, ожидая приказов. Она бросила на них равнодушный взгляд, от которого моё сердце подпрыгнуло.

Она кивнула в сторону дрожащего гуйцзюня Сюя и холодно скомандовала:

— Увести.

— Есть! — гаркнули стражники, подскочили к нему, грубо схватили под руки и потащили прочь.

— Ваше Величество! Пощадите! Ваше Величество! — закричал он, вырываясь, но Куан Сицин даже не дрогнула, закрыв глаза, словно не желала даже смотреть на него.

Поняв, что надежды нет, он в отчаянии обернулся ко мне:

— Ван! Ваше Высочество! Спасите меня! Умоляю! — его отчаянные глаза впились в меня, словно я была его последней соломинкой.

Моё сердце дрогнуло. Я с трудом приподнялась на кровати и, поколебавшись, окликнула стражников:

— Постойте...

Но они не обратили на меня внимания и продолжали волочь гуйцзюня Сюя. Я знала: без приказа Куан Сицин его ждёт верная гибель.

— Сестра! — пришлось мне униженно просить Куан Сицин, хотя я не была уверена, что она согласится, и не знала, не навлеку ли я на себя гнев.

Её полуприкрытые глаза резко открылись, холодный, пронзительный взгляд впился в меня. Лишь на мгновение, а потом холод исчез, и лицо снова стало спокойным и мягким, но ледяной озноб, пробежавший по спине, не желал отступать.

— Сихань, ты хочешь заступиться за него? — спустя долгое время, когда я уже решила, что она промолчит, тихо спросила она.

— Сестра, я... — Хотя я хотела просить за него, я не знала, как начать. Императорский супруг и ван, состоящие в тайной связи — в любую эпоху и при любом правителе это величайший позор. Не то что просить за него — я сама была в опасности.

Куан Сицин пристально посмотрела на меня:

— Сихань, раньше ты бы и взгляда на него не бросила.

У меня перехватило дыхание. Что она имела в виду? Разочарование в моей никчёмности? Или она уже поняла, что я — не настоящая Куан Сихань?

Неужели я умру? От этой мысли конечности похолодели, а в голове стало пусто.

— Ладно, — она вдруг улыбнулась, но в её глазах мелькнула невыразимая глубина. — Раз уж Сихань просит, я сделаю исключение. Но смертной казни не будет, а вот наказания не избежать. — Она помолчала и с отвращением взглянула на гуйцзюня Сюя, который рыдал, размазывая слёзы по лицу. — Лишить титула гуйцзюня и отправить во дворец Цюйцзинь.

Дворец Цюйцзинь... само название говорило о том, что это «холодный дворец».

Хотя это и заточение, жизнь ему сохранили, а это лучше, чем чаша яда или белая шёлковая верёвка.

Я с облегчением вздохнула, но заметила, что выражение лица гуйцзюня Сюя стало ещё более скорбным, словно он испытал невыносимую боль.

Не успела я понять почему, как его утащили прочь. Его крики, приглушённые кляпом, постепенно затихли, пока не исчезли вовсе.

В опочивальне воцарилась гробовая тишина.

Наконец Куан Сицин тяжело вздохнула и устало потёрла переносицу:

— Пир ещё не закончился, отдохнёшь и возвращайся. Стражница Цзян, защищай её.

— Есть, — тихо ответила Цзян Чжо.

Не взглянув на меня больше, Куан Сицин вышла из дворца. Её статная фигура казалась такой одинокой... Я тупо смотрела ей вслед, чувствуя, как глаза щиплет от слёз, готовых вот-вот пролиться.

В комнате остались только я и Цзян Чжо.

Я лежала на кровати гуйцзюня Сюя — мягкой и удобной, но чувствовала полное бессилие.

— Цзян Чжо, ты ведь считаешь меня никчёмной? — вдруг спросила я, не надеясь на её понимание, просто хотелось услышать её голос.

— ...Я не смею так думать. — Её голос был чист, как горный ручей, и даже в своей холодности звучал завораживающе.

— Ха, не смеешь... Значит, так и есть. Ты тоже считаешь меня безнадёжной? Жестокой, эгоистичной и трусливой... — Я посмотрела на свои тонкие запястья, где под бледной, почти прозрачной кожей просвечивали синие вены. Такие хрупкие. — Есть ли смысл в жизни такого человека?

— Ваше Высочество, уже поздно, пора возвращаться на пир. — Не дождавшись утешения, она подошла к кровати. Её красивые глаза смотрели прямо в мои, словно она не видела моих слёз. Она легко подхватила меня под ноги и за шею и без усилий подняла. — Прошу прощения за дерзость.

От этого объятия слёзы тут же высохли. Лицо вспыхнуло, но я изо всех сил старалась не обнимать её за шею, как только что, — чтобы не показаться невоспитанной. А вдруг она разозлится и уронит меня?

От этих мыслей я крепко зажмурилась, позволяя себе лишь слегка повернуть голову и уткнуться лицом в её плечо. Я тайком вдыхала исходящий от неё аромат кедра и мыльного корня и молчала.

Она шла быстро, но очень плавно. Дорогу, на которую у меня ушло целое «палочное время», она преодолела меньше чем за пять минут.

Огни по обе стороны пути становились всё ярче. Вскоре мы подошли к главному залу, где проходил пир. Я чувствовала любопытные взгляды слуг, в которых, возможно, сквозило презрение... Да и пусть. Теперь, когда репутация Куан Сихань уже запятнана, не имеет значения, прибавится ли к ней ещё пара грязных пятен.

У боковой двери Цзян Чжо осторожно опустила меня на пол и тихо сказала:

— Ваше Высочество, пришли.

— Угу, — тихо отозвалась я и, выпрямившись, пошла вперёд, хотя ноги всё ещё были ватными.

Цзян Чжо ничего не сказала, но молча подошла ближе, подставила руку и помогла мне медленно дойти до моего места.

Увидев, что я вернулась, Куан Сицин слегка улыбнулась. Она пила вино решительно и быстро — лицо её покраснелось, взгляд стал затуманенным, казалось, она уже была под хмельком.

Я села рядом с ней и, не заботясь о том, разозлю ли её, перехватила её руку с бокалом:

— Сестра, не пей так много, потом будет плохо.

Она безразлично улыбнулась, но пить всё же перестала. Она посмотрела на меня с полуулыбкой и многозначительно пробормотала:

— Хмель — это всего лишь головная боль. Если вино может развеять печаль, почему бы не попробовать?

Её улыбка заставила меня почувствовать стыд, я лишь невнятно что-то пробормотала, не в силах подобрать слов.

— Отлично! — В момент нашего молчаливого противостояния чей-то возглас нарушил тишину, и моё встревоженное сердце немного отпустило. Я поспешно посмотрела в ту сторону — это была Лу Инсюань, чьё лицо уже горело от выпитого.

Она распахнула верхний халат, обнажив белое нижнее платье. Одной ногой она стояла на столе, в другой руке держала пустой бокал и, указывая на танцора в красном, кружащегося в танце, громко кричала от восторга. Очевидно, она была пьяна.

Её коллеги были не лучше: с затуманенными глазами они то хихикали, глядя на неё, то отключались прямо за столами. Ни следа их привычной чопорности — видно, пока меня не было, атмосфера на пиру стала куда более непринуждённой.

Я покачала головой, не в силах смотреть на их развязное поведение, и невольно проследила за направлением её взгляда. Танцор, которого она так хвалила, был молодым человеком в красной короткой куртке, в широкополой шляпе, с длинным мечом в руках. Он двигался с такой грацией и силой, что дух захватывало. Там, где мелькало лезвие, вспыхивали серебряные

искры, казалось, он источает ледяную ауру. Хорош! Настоящий мастер меча из мира смертных!

Танцор был один, музыка состояла лишь из редких звуков цитры, но гости были заморожены этим плавным, как текущая вода, танцем.

Мой взгляд невольно следовал за ним, пока он не повернулся — сквозь щель в шляпе я увидела его лицо и встретила с ним глазами. Этот взгляд был холодным, острее его меча, ледянее его ауры... Это был взгляд не танцора.

Сердце дрогнуло. Я машинально выпрямилась, собираясь сказать Куан Сицин, что с этим танцором что-то не так, но увидела, как в его глазах вспыхнула жажда убийства. Он оттолкнулся носком ноги и полетел прямо к трону. Казалось, я слышу гул воздуха, рассекаемого остриём меча.

Нападение было столь стремительным, что никто не успел среагировать. Чиновники были пьяны, стража стояла слишком далеко — некому было защитить императрицу.

Я в ужасе смотрела на приближающийся меч, словно чья-то рука сдавила мне горло, заставив сердце остановиться. Сознание на мгновение замерло, но тело среагировало инстинктивно: не раздумывая, я бросилась в сторону, повалила Куан Сицин и закрыла её собой.

— Сихань, ты ранена?

<http://bllate.org/book/21773/2251642>